

Я его хорошо знала...

Для тех, кто не знал Сергея Фёдоровича Харитонов, 105-летие со дня его рождения, безусловно, ассоциируется с далёким прошлым, а ведь не стало его совсем недавно, всего лишь пять лет назад. Судьба подарила ему долгую жизнь, и он сумел сделать в ней многое. Растил и охранял леса, строил лесной музей, занимался педагогической деятельностью и уже на закате самых продуктивных своих лет взялся за большое дело и с честью выполнил его. Он создавал в Переславле дендрологический сад, который стал ему живым памятником.

Более двадцати лет назад состоялось наше знакомство и началось сотрудничество, детали которого помню по сей день. Оно было непростым. Каким был и сам он по своей натуре. У меня, вчерашней студентки, практически не было шансов расположить к себе этого своеобразного человека, в чём убедиться было нетрудно уже после первых минут общения с ним.

Но судьба распорядилась иначе. К удивлению многих, утверждавших, что я скоро сбегу от Харитонova, совместная работа пошла удачно. Он нашёл во мне единомышленника и верного помощника, а я словно приобрела вторую жизнь среди замечательных растений, имея рядом такого учителя. Он фанатично любил растения, и очень часто эта любовь становилась причиной споров, иногда чуть не скандалов, особенно когда случались у меня какие-то просчёты в работе. Характером он был вспыльчив и горяч, но сердиться долго не умел. Всегда просил прощения, снимая при этом шляпу. Решительный и самостоятельный в поступках, не считал, однако, ниже своего достоинства посоветоваться и даже согласиться на какие-то поправки или другие варианты, если, конечно, я могла его убедить в своей правоте. [ПР: если, конечно, этого требовало дело.]

У нас было много удачных дел. Самое большое — это закладка новой очереди дендросада, где он предоставил мне большую свободу действий. Умел он по достоинству оценить вложенный труд и никогда не скупился на похвалы, которые были для меня большим стимулом в работе. Очень уважительно относился к нелёгкому труду рабочих дендросада и постоянно был защитником их интересов.

Работать с ним было нелегко, но интересно. Редкий день не приносил новых его идей и замыслов. Можно было только удивляться его исключительной работоспособности в таком солидном возрасте. За книгами он проводил по несколько часов кряду, обходясь при этом без очков. Поражала его постоянная тяга к знаниям. По складу ума это был учёный, хотя он так и не смог утвердиться на этом поприще.

Особый его талант — [ПР: дар] изумительного рассказчика. Он буквально заражал окружающих своей любовью к природе. Страшно негодовал, если при этом видел чьи-то пустые глаза. Его экскурсии были неповторимы. Редко кто оставался равнодушным к ним. Гости из разных городов нашей страны, посетившие дендросад в те годы, оставили благодарные слова человеку, творящему живую красоту для людей.

А он, усталый, но исполненный удовлетворения от любимого дела, возвращался в казённый неблагоустроенный дом, что стоял неподалёку, где всегда ждали преданные ему собака и кошка. Даже когда силы покинули его, он не захотел поменять привычный уклад жизни на городской комфорт. Хлопоты у печки не были для него обузой. Он любил смотреть на горящие поленья, словно пламя не только согревало его, но и приносило особые чувства, особые мысли. Самодельный стол, пара-тройка обшарпанных стульев, стеллажи, завален-

*Телегина, Л. Я его хорошо знала... / Л. Телегина // *Коммунар*. — 1997. — 24 июня. — С. 3.

*Телегина, Л. Я его хорошо знала... / Л. Телегина // *Переславские родники*. — 2002. — № 3 (44). — С. 3.

ные книгами, ворохами бумаг. А вокруг ещё один его мир: сухие травы, мхи, причудливые корни, капы, коллекция камней, которые он очень любил, поделки из дерева и ещё Бог знает что, чего никогда бы не хранила ни одна хозяйка-аккуратистка, но важнее этого ничего не было для него. Вот весь интерьер его дома!

С этим миром не расставался он до самой смерти. Его увлечённости не было границ. Он любил книги, живопись, скульптуру, ценил общение с интересным человеком. В Доме творчества художников имени Д. Кардовского был частым гостем. Для многих творческих людей этот переславский самородок стал настоящей находкой. Он олицетворял собой старый Переславль и был живой его энциклопедией. Знал буквально всё о домах и улицах с их прошлым, о переславских знаменитостях и их творениях, о богатейшей когда-то переславской природе с её лесами и Плещеевым озером, которое очень любил, наш музей, экспонаты и историю которого знал не хуже сотрудников, библиотеку и ещё... баню. С берёзовым веничком, натеревшись скипидаром, мог уже в преклонном возрасте выдерживать парилку под стать молодым!

Так сложилась его судьба, что он остался вне семьи, но у него были сыновья и росли внуки, которых он нежно любил. В вечно захламлённом, по-холостяцки неубранном доме, где, по его собственному выражению, чёрт ногу сломит, проводили счастливые летние каникулы его столичные внуки, которым всё здесь было мило и дорого. Главное — рядом рыбалка и лес, а заботливый дед никогда не оставлял их без утренней овсяной каши и стакана молока. Меня всегда поражали эти трогательные, почти материнские хлопоты старого человека, которому, казалось, было бы только до себя.

И в свои 90 лет Сергей Фёдорович Харитонов не терял острого мышления и меткости слова, оставлял впечатление глубоко увлечённого, эрудированного, преданного интересам природы человека. Страстно и горячо защищал её, привлекал к проблемам её сохранения общественность и власти города. Для города, где он родился и вырос, хотел статуса национального парка, в котором одинаково хорошо жилось бы человеку и растениям.

Глубокое чувство признательности и уважения испытываешь к человеку, который вдохновенно любил чудный мир природы и старался взрастить такие чувства в каждом, особенно в юных душах. Он жил и творил для нас. Мы, наши дети и внуки, в благодарность можем только помнить и беречь...